Свойства субъекта и дифференцированное маркирование объекта в иронском диалекте современного осетинского языка

О. В. Тужик

Институт языкознания РАН (Москва, Россия);
vikolya02@ya.ru; ORCID: 0009-0004-2280-7750

Аннотация. Настоящая работа посвящена дифференцированному маркированию объекта в иронском диалекте современного осетинского языка. В результате полевого исследования обнаружен фактор, не обсуждавшийся ранее в соответствующей литературе, а именно влияние свойств субъекта на маркирование объекта. Если и субъект, и объект являются неодушевленными или оба обозначают животных, то объект скорее оформляется генитивом, а не номинативом, что предположительно служит для снятия неоднозначности. Влияние данного фактора отмечено только в речи более старших носителей.

Ключевые слова: дифференцированное маркирование объекта, одушевленность субъекта, осетинский язык

Благодарности. Автор выражает благодарность О. И. Беляеву, Н. В. Сердобольской, А. П. Выдрину, К. Г. Гусовой, А. Д. Подгорной, а также всему коллективу студентов и носителей осетинского языка, участвовавших в экспедиции. Исследование поддержано проектом FMNE-2025-0015, выполняемом в Институте языкознания РАН.

Для цитирования: Тужик О. В. Свойства субъекта и дифференцированное маркирование объекта в иронском диалекте современного осетинского языка // Индоиранские языки. 2026. 2 (2). С. 101–116.

DOI: 10.30842/30346800.2026.2.2.4

© О. В. Тужик, 2026

Subject properties and differential object marking in modern Iron Ossetic

Olga V. Tuzhik

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); vikolya02@ya.ru; ORCID: 0009-0004-2280-7750

Abstract. This paper is devoted to differential object marking in Iron Ossetic. In this language, a direct object can either take the genitive case marker *-ə* or occur in the nominative. The choice of the marker is determined by a number of factors, the most important ones being the object's referential type and animacy.

Abaev [1959] states that nominative is used with indefinite and/or inanimate direct objects, while genitive marks definite human participants. Genitive may be used with non-human animates and non-animates to emphasize their definiteness. Serdobolskaya [2020], using data obtained through elicitation methods, demonstrates that in the modern Ossetic language, inanimate direct objects cannot appear in the genitive case. However, during the field study conducted in 2024 in Vladikavkaz, Republic of North Ossetia — Alania, I elicited examples from nine native speakers (9 women, $Mean_{age} = 35.5$, $SD = 12.69$, from 21 to 53), with some of them providing examples where inanimate nouns were marked for the genitive. Using these data, I discovered the influence of a factor that had not been discussed previously in the relevant literature, namely the role of the subject's animacy in the differential object marking. If the subject and the object are inanimate or both denote animals, the object is more likely to take the genitive marker, even if it usually appears in the nominative in similar contexts with animate subjects. I assume that the use of genitive marking removes potential ambiguity between the nominative-marked subject and the genitive-marked object. However, the situation seems to be different with younger speakers (at least, for those born in the 1990s), whose choice of marking does not depend on the subject's animacy/inanimacy, since they only allow nominative forms for inanimate direct objects. When choosing a marker for an animate direct object, they take into account other properties of the direct object as, e.g. its referential type and the proto-role.

Keywords: differential object marking, subject animacy, Ossetic

Acknowledgements: The author would like to express her special gratitude to O. I. Belyaev, N. V. Serdobolskaya, A. P. Vydrin, K. G. Gusova, A. D. Podgornaia, and to all the students and native speakers of Ossetic who took part in the field trip. This research was supported by project FMNE-2025-0015 conducted at the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences.

For citation: Tuzhik O. V. Subject properties and differential object marking in modern Iron Ossetic. *Indo-Iranian Languages*. 2026. 2 (2). P. 101–116.

DOI: 10.30842/30346800.2026.2.2.4

1. Введение

Дифференцированным объектным маркированием (далее ДОМ, англ. differential object marking) называется вариативное оформление участника ситуации, выраженного именной группой в позиции прямого объекта. Пример (1) иллюстрирует это явление в иронском диалекте осетинского языка: прямой объект может оформляться либо генитивом (принимает окончание *-ы* после согласных или *-йы* после гласных), либо номинативом (нулевое окончание).

(1) *Зауыр тынг уарз-ы* ***гæды-тæ*** / ***гæды-т-ы***.
Заур очень любить-PRS.3SG кошка-PL / кошка-PL-GEN
'Заур очень любит **кошек**' [Сердобольская 2020: 4].

ДОМ широко распространено в языках мира независимо от их генетической и ареальной принадлежности [Sinnemäki 2014]. Однако впервые это понятие было введено Г. Боссонгом именно на материале иранских языков [Bossong 1985]. В большинстве новоиранских языков маркирование прямого объекта зависит от его референтности [Ibid.: 12].

Настоящее исследование посвящено ДОМ в современном иронском диалекте осетинского языка (далее при употреблении термина «осетинский язык» имеется в виду иронский диалект). Осетинский язык относится к иранской группе индоевропейской языковой семьи и распространен главным образом на территории республик Северная Осетия — Алания и Южная Осетия. Он имеет статус уязвимого на шкале витальности ЮНЕСКО. В осетинском языке выделяются два основных диалекта — иронский и дигорский; иронский по числу носителей является более многочисленным.

2. ДОМ в осетинском языке

Как факторы, влияющие на оформление прямого объекта (далее ПО), в грамматиках осетинского языка выделяются определенность (см., например, [Гагкаев 1952: 100–101]), одушевленность, «личность» (принадлежность к лексическому классу «человек») [Абаев 1959: 153–154], известность [Гагкаев 1956: 105–108], «специфичность» (или референтность) [Thordarson 2009: 135]. Так, одушевленный, определенный, известный из предыдущего контекста, личный

участник в позиции ПО скорее оформляется генитивом. Неодушевленный, неопределенный, новый, неличный участник скорее имеет форму номинатива. Ниже приводятся примеры, иллюстрирующие зависимость оформления ПО от определенности и одушевленности[1]. В (2) в позиции ПО находится неопределенный и неодушевленный участник — *къæртт* ‘кусок’; в (3) — определенный, но неличный участник *бæх* ‘лошадь’; в (4) — личный неопределенный участник *бæлццон* ‘путник’; такие ПО имеют форму номинатива. В (5) участник в позиции ПО — *æфсымæр* ‘брат’ — является определенным и личным; такой ПО имеет форму генитива (более подробное обсуждение референциальных статусов см. в [Serdobolskaya, Tuzhik 2025]).

(2) *халон цыхт-ы* ***къæртт*** *сс-ард-т-а*
ворона сыр-GEN кусок PV-находить-TR-PST.3SG
‘Ворона нашла **кусок** сыру’ [Абаев 1959: 153].

(3) *æлдар йæ* ***бæх*** *æр-цæф-тæ код-т-а*
алдар его лошадь PV-удар-PL делать-TR-PST.3SG
‘Алдар несколько раз ударил своего **коня**’[2] [Там же: 154].

(4) *Бинонтæ а-цы рæстæг архайд-т-ой*
семья этот-DET время стараться-TR-PST.3PL
бæлццон *æрба-хон-ын фынг-мæ.*
путник PV-звать-INF стол-ALL
‘[После этого шла Сыропустная неделя. Тогда на стол ставили только молочные продукты.] Семьи в это время старались пригласить **путника** за стол’ [Sputnik Хуссар Ирыстон (Ада Багиан). Æбуалгъ тæрхоны мысæн къуыри рæстдинонты бацæттæ кæндзæн Стыр комдарæнмæ, 20.02.2017][3].

(5) *Уый фæ-над-т-а =дын де*
тот PV-бить-TR-PST.3SG =ТЫ.DAT твой
’фсымæр-ы / ****’фсымæр***.
брат-GEN брат
‘Он побил твоего брата’ [Сердобольская 2020: 3].

---

[1] Глоссирование и выделение в примерах добавлены автором статьи.

[2] Перевод предложения получен от носителя иронского диалекта современного осетинского языка.

[3] Пример взят из Осетинского национального корпуса (URL: corpus.ossetic-studies.org; дата обращения: 16.05.2025).

При этом В. И. Абаев [1959: 154] отмечает, что «название неодушевленного предмета или животного ставится в форме род[ительного] падежа, когда подчеркивается, что речь идет об определенном предмете», и приводит следующие примеры:

(5) ***топп-ы*** *рагъæн-ыл* *æр-цауыгът-а*
ружье-GEN вешалка-SUPER PV-вешать-TR.PST.3SG
‘**Ружье** он повесил на вешалку’ [Абаев 1959: 154].

(6) ***къух-т-ы*** *а-ирд* *код-т-а* *сапон*
рука-PL-GEN PV-блестящий делать-TR-PST.3SG мыло
‘Мыло начисто отмыло **руки**’ [Там же: 154].

Тем не менее Н. В. Сердобольская [2020] на материале данных, полученных методом элицитации, показывает, что в современном осетинском языке неодушевленные ПО обязательно имеют форму номинатива: «...неодушевленные имена генитивом не оформляются, а примеры из [Абаев 1959; Багаев 1965] расцениваются носителями как архаичные» [Сердобольская 2020: 2].

Помимо этого, на ДОМ в осетинском языке может влиять прото-роль [Dowty 1991: 572] участника в позиции ПО, см. [Сердобольская, Тужик 2024; Тужик 2024]. В работе [Dowty 1991: 572] обсуждаются две семантические роли аргументов глагола: прото-агенс и прото-пациенс, которые характеризуются пятью признаками. Так, роль прото-агенса раскладывается на волитивность, восприятие/разумность, каузацию, движение, существование вне описываемой ситуации. Прото-пациенс же претерпевает изменения, может являться инкрементальной темой (т. е. таким объектом, стадии изменения которого соответствуют частям события, описываемого глаголом; например, *строить дом*, см. [Ibid.: 567–571]), вовлечен в событие вследствие действий другого участника, неподвижен относительно другого участника и не существует независимо от ситуации. Обычно прото-агенс — это прото-роль субъекта, однако участник в позиции ПО также может обладать некоторыми свойствами прото-агенса. Так же, как и в работе [Primus 2012], где анализировалось ДОМ в испанском языке, предполагается, что в осетинском языке маркер ДОМ (окончание *-ы*) «лицензируется объектом, внутренние свойства которого определяют его как прото-агенс в ситуации, обозначаемой

предикатом»[4] [Ibid.: 75]. Иными словами, более агентивные участники скорее маркируются генитивом, более пациентивные скорее имеют форму номинатива.

В ходе проведенного полевого исследования было обнаружено, что некоторые носители, вопреки выводам в работе [Сердобольская 2020], используют или оценивают как грамматичные предложения с неодушевленным ПО в генитиве. Предполагается, что на допустимость такого оформления влияет одушевленность **субъекта**. В следующих разделах будут обсуждаться примеры, подтверждающие эту гипотезу.

3. Полевое исследование

В ходе исследования, которое проводилось летом и зимой 2024 г. в городе Владикавказе, были получены суждения о грамматичности и приемлемости осетинских предложений, а также переводы предложений с русского на осетинский от девяти носителей иронского диалекта (9 женщин, средний возраст = 35,5, *SD* = 12,69, от 21 до 53 лет). Информация о носителях представлена в таблице 1.

Настоящее исследование показывает, что неодушевленные существительные в позиции прямого объекта могут иметь форму генитива. Ниже приводится перевод предложения «Мыло начисто отмыло руки», которое было взято мной из грамматики В. И. Абаева [1959: 154] с целью сравнения современного перевода с переводом, представленным в 1959 г. Ср. примеры (6) и (7):

(7) *Сапон сыгъдæг ны-хсад-т-а* ***къух-т-ы*** / ***къух-тæ***[5].
мыло чисто PV-мыть-TR-PST.3SG рука-PL-GEN рука-PL
‘Мыло начисто отмыло **руки**’ (ТАА[6]).

Можно предположить, что генитив допустим в подобных контекстах, поскольку существует необходимость явно указать, какое

[4] «A differential object marker is licensed by an object whose intrinsic meaning properties qualifies it as a proto-agent in the situation denoted by the predicate».

[5] Здесь и далее порядок слов, разделённых косой чертой, отражает порядок, предложенный носителем.

[6] Здесь и далее в круглых скобках приводятся инициалы носителя, предложившего перевод.

слово в предложении является субъектом, а какое — объектом. Слушающему или читающему легче приписать роль субъекта одушевленному участнику, поэтому, если субъект является одушевленным, а объект — неодушевленным, дополнительно маркировать объект необязательно. Однако в ситуациях, когда оба участника являются неодушевленными (или оба являются одушевленными), говорящий для снятия потенциальной неоднозначности может использовать форму объекта в падеже, отличном от падежа субъекта (номинатива).

Таблица 1. Информация о носителях

Table 1. Information about the native speakers

Носитель	**Год рождения**	**Пол**	**Специальность**	**Населенный пункт**[7]
МТХ	1971	ж	учитель осетинского языка	поселок Мизур (Алагирский район)
ИНЦ	1974	ж	журналист	село Фарн (Правобережный район)
ИГД	1977	ж	филолог	село Ольгинское (Правобережный район)
ТАА	1985	ж	филолог	город Владикавказ
АСК	1986	ж	филолог	село Црау (Алагирский район)
ААК	1997	ж	филолог	село Заманкул (Правобережный район)
КГГ	2001	ж	учитель осетинского языка	город Алагир (Алагирский район)
ААГ	2002	ж	филолог	поселок Мизур (Алагирский район)
МЭБ	2003	ж	учитель осетинского языка	село Ногир (Пригородный район)

Чтобы проверить это предположение для осетинского языка, я предлагала носителям перевести предложения, где слово *фæткъуы* ‘яблоко’ является объектом в предложениях с неодушевленным

[7] Указывается место, в котором носитель провел бóльшую часть жизни.

субъектом (8), субъектом-животным (9) и субъектом-человеком (10). Во всех трех предложениях ПО является неодушевленным и определенным, поэтому разницу в падежном оформлении нельзя объяснить влиянием одушевленности или референциального статуса.

(8) *Фæткъуы бæлас-æй æр-хауд фæткъуы.*
яблоко дерево-ABL PV-падать.PST.3SG яблоко
Райдыд-т-а зилгæдымгæ,
PV.начинать-TR-PST.3SG ураган
фæткъуы бæлас а-саст-а æмæ
яблоко дерево PV-ломаться-TR.PST.3SG и
фæткъуы-йы / ****фæткъуы*** *ны-ппырх код-т-а.*
яблоко-GEN яблоко PV-разломанный делать-TR-PST.3SG
‘Яблоко упало с яблони. Начался ураган, яблоня сломалась и раздавила **яблоко**’ (АСК).

(9) *Фæткъуы æр-хауд бæлас-æй.*
яблоко PV-падать.PST.3SG дерево-ABL
Фыс ны-ппырх код-т-а ***фæткъуы*** /
овца PV-разломанный делать-TR-PST.3SG яблоко
фæткъуы-йы.
яблоко-GEN
‘Яблоко упало с дерева. Овца раздавила **яблоко**’ (АСК).

(10) *Фæткъуы бæлас-æй æр-хауд.*
яблоко дерево-ABL PV-падать.PST.3SG
Алан ны-ппырх код-т-а ***фæткъуы*** /
Алан PV-разломанный делать-TR-PST.3SG яблоко
****фæткъуы-йы***.
яблоко-GEN
‘Яблоко упало с дерева. Алан раздавил **яблоко**’ (АСК).

Можно заметить, что в случае, если субъект является неодушевленным, объект действительно имеет только форму генитива (8), в отличие от случаев, где субъект является одушевленным. Кроме того, если субъект является животным, то маркирование объекта генитивом также допустимо: хотя при переводе носители использовали форму номинатива, они разрешили генитив после уточняющего вопроса. Однако в предложении, где субъектом является человек, объект может быть только в номинативе.

Чтобы объяснить необходимость маркирования ПО в контекстах, где участники имеют одинаковую одушевленность, можно обратиться к подходу, описанному в работе [Dowty 1991], где отбор аргументов глагола объясняется в терминах прото-ролей. Так, с большей вероятностью субъектом становится участник, имеющий семантическую роль прото-агенса [Ibid.: 572], см. раздел 2. В (7) оба участника (руки и мыло) могут быть охарактеризованы как предметы, существующие независимо от ситуации; также можно сказать, что они оба перемещались в пространстве; однако никакие другие признаки для них скорее неприменимы. В общем случае в позиции субъекта выражается участник, имеющий большее количество признаков прото-агенса. Однако если участники имеют одинаковое количество соответствующих признаков, решающую роль играют свойства прото-пациенса, определяющие, какой из участников должен быть объектом. Прото-пациенс претерпевает изменения, может являться инкрементальной темой, вовлечен в событие вследствие действий другого участника, неподвижен относительно другого участника и не существует независимо от ситуации. В примере (7) и ПО *къухтæ* ‘руки’, и субъект *сапон* ‘мыло’ претерпевают изменения (руки отмываются, мыло расходуется). Иными словами, оба участника имеют одинаковое количество признаков прото-роли; они оба могут выражаться как объекты. Поскольку прото-роли не позволяют определить, какой участник является субъектом, а какой — объектом, говорящий маркирует объект генитивом, благодаря чему синтаксическая роль участников определяется однозначно.

Эта закономерность может быть проиллюстрирована на примере, где действие может выполнять любой из участников. В примере (7) мыло отмывает руки, но контекст, где руки отмывают мыло, является гораздо менее естественным. В примере (11) книга заменяет телефон, но и телефон тоже может заменить книгу. В этом контексте участники также имеют одинаковые наборы признаков прото-ролей (а именно независимое существование), поэтому здесь также необходимо маркировать объект, чтобы описать некоторую конкретную ситуацию, при которой именно телефон заменяет книгу:

(11) *Телефон* ***чиныдж-ы*** *ив-ы.*
телефон книга-GEN заменять-PRS.3SG
‘Телефон заменяет **книгу**’ (ИНЦ).

Помимо контекстов с двумя неодушевленными участниками представляет интерес пара примеров, иллюстрирующих взаимосвязь между субъектом, выраженным животным, и объектом, выраженным неодушевленным предметом. В примере (12) неодушевленный ПО *къул* ‘стена’ не может иметь форму генитива, однако в примере (13) неодушевленный ПО *уардон* ‘телега’ может выступать в обоих падежах. Можно предположить, что это также связано с потенциальной неоднозначностью: если стена является неперемещаемым объектом и ситуация, при которой стена может ударить лошадь, не так часто случается, то телега в принципе может легко перемещаться по инерции и случайно ударить лошадь.

(12) *Бæх* *ны-ццав-та* *а-цы* ***къул*** / ****къул-ы***.
лошадь PV-бить-TR.PST.3SG этот-DET стена стена-GEN
‘Лошадь ударила эту **стену**’ (ТАА).

(13) *Бæх* *ны-ццав-та* *а-цы* ***уардон*** / ***уардон-ы***.
лошадь PV-бить-TR.PST.3SG этот-DET телега телега-GEN
‘Лошадь ударила эту **телегу**’ (ТАА).

Выше рассматривался пример (9), в котором животное (овца) раздавило неодушевленный предмет (яблоко), и для ПО *фæткъуы* ‘яблоко’ оказались допустимы как форма номинатива, так и форма генитива. Падежное оформление в примере (9), как и в примере (13), можно объяснить тем, что и телега, и яблоко являются легко перемещаемыми объектами, в то время как стена чаще (в обычной ситуации) является статичным, неподвижным объектом. В будущем исследовании планируется проверить предположение о том, что падежное оформление может зависеть от способности объекта к передвижению.

Стоит отметить, что для более молодых носителей (родившихся в 1990-х гг. и позже) оформление неодушевленных ПО генитивом, тем не менее, оказалось абсолютно недопустимо: в примерах (7)–(13) все молодые носители разрешили только вариант перевода, где ПО имеет форму номинатива. В этой связи интересно отметить, что данные об архаичности примеров с неодушевленным ПО в генитиве в работе [Сердобольская 2020] (см. раздел 2) также были получены от относительно молодых носителей[8]. В дополнение к примерам (7)–(13) ниже

[8] Возраст носителей был уточнен мной в личной переписке с Н. В. Сердобольской.

приводится пример из работы [Хомченкова 2026], проверенный у пяти носителей, из которых трое (1974, 1985 и 1986 г. р.) перевели предложение с русского на осетинский, используя генитивную форму ПО или допуская ее после уточняющего вопроса, а двое других носителей (1997 и 2002 г. р.) запретили использование генитива.

(14) *Уалдзæг ра-ивт-а* ***зымæдж-ы*** / ***зымæг.***
весна PV-менять-TR.PST.3SG зима-GEN зима
'Весна сменила **зиму**' (ИНЦ).

Также я проверила предложения, где субъект и объект являются животными. В таких контекстах, по аналогии со случаями выше, можно ожидать использование формы генитива для объекта в целях снятия неоднозначности. В работе [Serdobolskaya, Tuzhik 2025] предложена шкала вероятности маркирования таких ПО в зависимости от референциального статуса (однако в работе рассматриваются контексты, где животным является только участник в позиции объекта, а субъектом является человек): «...оформление одушевленных существительных, обозначающих животных, описывается шкалой относительной частотности генитива и номинатива; так, отрицательные и родовые ПО (обозначающие биологический вид животного) с большей вероятностью будут маркироваться генитивом, определенные референтные и атрибутивные ПО маркируются генитивом с меньшей вероятностью, отрицательные ПО и ПО свободного выбора с равной вероятностью принимают оба падежа. Неопределенные референтные (известные говорящему) и генерические ПО с большей вероятностью имеют форму номинатива, а для неопределенных референтных (неизвестных говорящему) и нереферентных ПО номинатив является предпочтительным вариантом»[9] [Ibid.: 105].

Иными словами, ПО, обозначающие животных, в принципе могут иметь форму обоих падежей, т. е. генитив допустим при любом референциальном статусе. Однако в контекстах с двумя участ-

[9] «... the marking of non-human animate DOs is described in terms of a scale of relative frequency of GEN and NOM, whereas negative polarity and generic kind DOs are most likely to take GEN, definite specific and attributive DOs show a lower frequency of GEN, the frequencies are equal with negative and free choice DOs. Indefinite specific known and generic DOs are more likely to take NOM, and for indefinite specific unknown and non-specific DOs the preferred variant is NOM».

никами-животными при разных референциальных статусах в ходе настоящего исследования было получено 31 предложение, где предпочтительным или единственно возможным падежом ПО является генитив, и 10 предложений, где предпочтительным или единственно возможным падежом ПО является номинатив. Среди 41 примера оказалось 6 случаев, в которых используется генитив, несмотря на то что ожидалось бы номинативное маркирование ПО (вследствие пациентивности и референциальных статусов, повышающих вероятность оформления номинативом). Таким образом, обнаруженная закономерность (использование генитива для снятия неоднозначности) отчасти находит подтверждение и для контекстов, где оба участника являются животными. Ниже приводятся некоторые примеры, где ПО имеют определенный (definite specific) (15), атрибутивный (attributive) (16) и неопределенный (indefinite specific unknown) (17) референциальные статусы. Стоит отметить, что маркирование в (17) отличается от (15)–(16) из-за разницы в агентивности: в (17) заяц является скорее добычей и едой, из-за чего для него также возможно оформление номинативом (см. о влиянии прото-роли в разделе 2).

(15) *Бæх ны-ццав-т-а а-цы* ***хъудж-ы*** / ****хъуг.***
лошадь PV-бить-TR-PST.3SG этот-DET корова-GEN корова
‘Лошадь ударила эту **корову**’ (ТАА).

(16) *Нæ куыдз цы-фæнд-ы тагъд*
наш собака что-хотеть-PRS.3SG быстрый
тæркъус-ы / ****тæркъус*** *йæ бон у ба-ййаф-ын.*
заяц-GEN заяц его сила быть.PRS.3SG PV-догнать-INF
‘Наша собака даже самого быстрого зайца может догнать’ (МЭБ).

(17) *Бирæгъ æр-цахст-а* ***тæрхъус-ы*** / ***тæрхъус.***
волк PV-ловить-TR.PST.3SG заяц-GEN заяц
‘Волк поймал **зайца** [и притащил его в логово. Волчата зайца съели]’ (АСК).

Для проверки гипотезы об использовании генитива для разрешения неоднозначности не рассматривались случаи, где оба участника являются людьми, поскольку ПО, обозначающий человека, практически всегда (при всех референциальных статусах) оформляется генитивом, см. [Serdobolskaya, Tuzhik 2025].

4. Заключение

В настоящей работе было рассмотрено влияние соотношения одушевленности субъекта и объекта на оформление прямого объекта в иронском диалекте осетинского языка. В осетинском прямой объект оформляется генитивом или номинативом. В ходе исследования установлено, что если субъект и объект имеют одинаковую одушевленность (в частности, если оба участника неодушевленные или оба обозначают животных), то объект скорее оформляется генитивом, даже если в аналогичных контекстах с субъектом, отличающимся от объекта по одушевленности, объект обычно выступает в форме номинатива. Выдвинута гипотеза о том, что в данном случае использование генитива помогает избежать потенциальной неоднозначности при определении ролей субъекта и объекта. Обнаруженное явление характерно только для носителей старшего поколения. Молодые носители вне зависимости от одушевленности субъекта всегда оформляют неодушевленные ПО номинативом, а при оформлении одушевленных ПО, как и более старшие носители, опираются на другие характеристики (например, референциальный статус ПО).

Стоит отметить, что ранее влияние этого фактора на ДОМ в осетинском языке не обсуждалось. В то же время использование генитивной формы неодушевленного объекта при неодушевленном субъекте согласуется с общими представлениями о том, что ДОМ может служить для разрешения неоднозначности (ср., например, [Bossong 1985: 13; Thordarson 2009: 130] и др.). В разных языках неоднозначность в таких случаях может сниматься за счет различных средств, например порядка слов. Однако в осетинском языке порядок слов является относительно свободным (см., например, [Thordarson 2009: 130]), из-за чего может возникать потребность в снятии неоднозначности за счет падежного маркирования.

Список условных сокращений

ABL — аблатив; ALL — аллатив; DAT — датив; DET — детерминатив; GEN — генитив; INF — инфинитив; PL — множественное число; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PV — преверб; SG — единственное число; SUPER — суперэссив; TR — переходность.

ДОМ — дифференцированное объектное маркирование; ПО — прямой объект.

Литература

Абаев 1959 — В. И. Абаев. Грамматический очерк осетинского языка. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1959.

Багаев 1965 — Н. К. Багаев. Современный осетинский язык. Ч. I: Фонетика и морфология. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1965.

Гагкаев 1952 — К. Е. Гагкаев. Очерк грамматики осетинского языка. Дзауджикау: Государственное издательство Северо-Осетинской АССР, 1952.

Гагкаев 1956 — К. Е. Гагкаев. Синтаксис осетинского языка. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1956.

Падучева 1985 — Е. В. Падучева. Высказывание и его соотнесенность с действительностью: референциальные аспекты семантики местоимений. М.: Наука, 1985.

Сердобольская 2020 — Н. В. Сердобольская. Вариативное оформление прямого дополнения в осетинском языке // Доклад на научной конференции «Малые языки в большой лингвистике 2020» (17–18 апреля 2020 г.).

Сердобольская, Тужик 2024 — Н. В. Сердобольская, О. В. Тужик. Семантическая роль прямого дополнения и выбор падежного маркирования в иронском диалекте осетинского языка // Тезисы научной конференции «Малые языки в большой лингвистике 2024» (12–13 апреля 2024 г.). URL: https://tipl.philol.msu.ru/application/files/4717/1282/5862/Serdobolskaia_Tuzhik.pdf (дата обращения: 16.05.2025).

Тужик 2024 — О. В. Тужик. Дифференцированное маркирование объекта в осетинских переводах художественной литературы: какова роль прото-роли? // А. А. Ануфриев, Е. В. Буденная, В. В. Дьячков, А. И. Груздева, Т. И. Давидюк, Н. С. Здорова, М. Я. Каплунова, Д. Д. Мордашова, В. А. Орлов (ред.). Проблемы языка: Сборник научных статей по материалам Десятой конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых» (24–26 апреля 2024 г.). М.: Институт языкознания РАН, 2024. С. 41–52.

Хомченкова 2026 — И. А. Хомченкова. Лексико-семантическое поле ‘менять’ в осетинском языке // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2026. Т. 22. № 1. С. 253–283. DOI: 10.30842/alp23065737221253283

Bossong 1985 — G. Bossong. Empirische Universalienforschung: differentielle Objektmarkierung in den neuiranischen Sprachen. Tübingen: Gunter Narr, 1985.

Dowty 1991 — D. Dowty. Thematic proto-roles and argument selection // Language. 1991. Vol. 67. No. 3. P. 547–619.

Primus 2012 — B. Primus. Animacy, generalized semantic roles, and differential object marking // M. Lamers, P. de Swart (eds.). Case, word order and promi-

nence: Interacting cues in language production and comprehension. Dordrecht: Springer, 2011. P. 65–90.

Serdobolskaya, Tuzhik 2025 — N. V. Serdobolskaya, O. V. Tuzhik. Differential object marking in modern Ossetic: Referential properties and animacy // Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. 2025. Vol. 48. No. 2. P. 91–107. DOI: 10.23951/2307-6119-2025-2-91-107.

Sinnemäki 2014 — K. Sinnemäki. A typological perspective on Differential Object Marking // Linguistics. 2014. Vol. 52. No. 2. P. 281–313. DOI: 10.1515/ling-2013-0063.

Thordarson 2009 — F. Thordarson. Ossetic grammatical studies. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2009.

References

Abaev 1959 — V. I. Abaev. *Grammaticheskiy ocherk osetinskogo yazyka* [A grammatical sketch of the Ossetic language]. Ordzhonikidze: North Ossetian Book Publishing, 1959.

Bagaev 1965 — *Sovremennyy osetinskiy yazyk. Ch. I. Fonetika i morfologiya* [Modern Ossetic. Pt. I. Phonetics and morphology]. Ordzhonikidze: North Ossetian Book Publishing, 1965.

Bossong 1985 — G. Bossong. *Empirische Universalienforschung: differentielle Objektmarkierung in den neuiranischen Sprachen*. Tübingen: Gunter Narr, 1985.

Dowty 1991 — D. Dowty. Thematic proto-roles and argument selection. *Language*. 1991. Vol. 67. No. 3. P. 547–619.

Gagkaev 1952 — K. E. Gagkaev. *Ocherk grammatiki osetinskogo yazyka* [A sketch of Ossetic grammar]. Dzaudzhikau: State Press of the North Ossetian ASSR, 1952.

Gagkaev 1956 — K. E. Gagkaev. *Sintaksis osetinskogo yazyka* [Ossetic syntax]. Ordzhonikidze: North Ossetian Book Publishing, 1956.

Khomchenkova 2026 — I. A. Khomchenkova. Leksiko-semanticheskoye pole ‘menyat’ v osetinskom yazyke [The lexical field of change in Ossetic]. *Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies*. 2026. Vol. 22. No. 1. P. 253–283. DOI: 10.30842/alp23065737221253283.

Paducheva 1985 — E. V. Paducheva. *Vyskazyvaniye i yego sootnesennost s deystvitelnostyu: referentsialnyye aspekty semantiki mestoimeniy* [An utterance and its relation to the reality: Referential aspects of pronoun semantics]. Moscow: Nauka, 1985.

Primus 2012 — B. Primus. Animacy, generalized semantic roles, and differential object marking. M. Lamers, P. de Swart (eds.). *Case, word order and prominence: Interacting cues in language production and comprehension*. Dordrecht: Springer, 2011. P. 65–90.

Serdobolskaya 2020 — N. V. Serdobolskaya. Variativnoye oformleniye pryamogo dopolneniya v osetinskom yazyke [Differential object marking in Ossetic]. Talk at the scientific conference “Minority languages in big linguistics 2020” (April 17–18, 2020).

Serdobolskaya, Tuzhik 2024 — N. V. Serdobolskaya, O. V. Tuzhik. Semanticheskaya rol pryamogo dopolneniya i vybor padezhnogo markirovaniya v ironskom dialekte osetinskogo yazyka [Semantic role of direct object and the choice of case marking in Iron Ossetic] // Paper presented at the scientific conference “Minority languages in big linguistics 2024” (April 12–13, 2024). Available at: https://tipl.philol.msu.ru/application/files/4717/1282/5862/Serdobolskaia_Tuzhik.pdf (accessed on: 16.05.2025).

Serdobolskaya, Tuzhik 2025 — N. V. Serdobolskaya, O. V. Tuzhik. Differential object marking in modern Ossetic: Referential properties and animacy. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2025. Vol. 48. No. 2. P. 91–107. DOI: 10.23951/2307-6119-2025-2-91-107.

Sinnemäki 2014 — K. Sinnemäki. A typological perspective on Differential Object Marking. *Linguistics*. 2014. Vol. 52. No. 2. P. 281–313. DOI: 10.1515/ling-2013-0063.

Thordarson 2009 — F. Thordarson. *Ossetic grammatical studies*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2009.

Tuzhik 2024 — O. V. Tuzhik. Differentsirovannoye markirovaniye obyekta v osetinskikh perevodakh khudozhestvennoy literatury: kakova rol proto-roli? [Differential object marking in Ossetic translations of fiction: The role of the proto-role]. A. A. Anufriyev, E. V. Budennaya, V. V. Dyachkov, A. I. Gruzdeva, T. I. Davidyuk, N. S. Zdorova, M. Ya. Kaplunova, D. D. Mordashova, V. A. Orlov (eds.). *Problemy yazyka: Sbornik nauchnykh statey po materialam Desyatoy konferentsii-shkoly «Problemy yazyka: vzglyad molodykh uchenykh» (24–26 aprelya 2024 g.)*. [Problems of language: Collection of scientific articles based on the materials of the 10th Conference-School “Problems of Language: The View of Young Scientists” (April 24–26, 2024)]. Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 2024. P. 41–52.

Получено/received 17.03.2025 *Принято/accepted 13.08.2025*